

*В.О. Белоносов**

**ПРЕЦЕДЕНТ В РОССИЙСКОМ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ**

В статье анализируются неоднозначно трактуемые в теории и на практике вопросы прецедента в уголовно-процессуальном регулировании как источника уголовно-процессуального права. Рассматривается юридический статус решений Верховного и Конституционного Судов РФ в формировании прецедента и его соотношение со статутным правом.

В советский период в российской юриспруденции как представителе континентальной системы права уверенно господствовала концепция о недопустимости правотворческой деятельности судей в процессе применения права [1.С.451-454; 2.С.268-271]. Вместе с тем имели место высказывания и о возможности отдельных элементов прецедента правоприменения [3.С.3].

В последнее время все более настойчиво звучат высказывания о том, что англо-саксонская и континентальная системы права сближаются, происходит их взаимное проникновение [4.С.47-50; 5.С.40-41; 6.С.57-58]. В континентальной системе права появляются элементы прецедентного права с элементами свойственного ему судебного нормотворчества. Например, традиция судебного правоприменения стремится сохранить за разъяснениями Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики обязательный характер. Данные разъяснения оказывают значительное влияние на последующие судебные решения и в определенной мере приобретают прецедентное значение. Нижестоящий суд никогда не примет иное решение под угрозой его отмены, чем то, которое принял вышестоящий суд по аналогичному делу.

Из этого следует, что практика высших судебных органов все более признается в качестве источника права. Мотивируется это тем, что пока высшая

* © Белоносов В.О., 2006

Белоносов Владимир Олегович – Самарский юридический институт ФСИИ России

судебная инстанция не истолкует правовую норму, не применит ее по конкретному делу, она нередко представляет собой декларацию. Толкование уголовно-процессуальных норм Верховным Судом РФ становится источником права, поскольку оно является авторитетным разъяснением смысла правовой нормы, ее детализацией. Такое толкование дает возможность не только лучше уяснить содержание предписаний уголовно-процессуальных норм, но и помогает сориентироваться в схожих правовых ситуациях, облегчая правоприменение.

Известно, что Верховный Суд РФ в своих решениях по конкретным делам формулирует такое понимание уголовно-процессуальной нормы, которое впоследствии активно используется в практической деятельности судебными органами и органами предварительного расследования. По ряду параметров предложенное Верховным Судом РФ толкование уголовно-процессуальных норм вроде бы надо считать обязательным для судов при рассмотрении аналогичных дел в будущем. Однако это не совсем так. Эти решения выступают только в роли вспомогательных источников права, содействуют в обеспечении единообразного понимания и применения уголовно-процессуальных норм и реализации принципов законности, равенства граждан перед законом и судом. Этим достигается традиционная для Верховного Суда функция обеспечения единообразия в судебной практике – путем вынесения принципиальных решений по наиболее сложным делам, требующим авторитетного толкования. Этому способствует также практика опубликования постановлений Пленума Верховного Суда РФ в Бюллетене Верховного Суда и доведение их до сведения нижестоящих судов.

В то же время решения нижестоящих судов не могут рассматриваться в качестве источников права в силу того, что они относятся к делам, имеющим не только частную значимость, но и содержащим порой взаимоисключающие решения. Однако решения нижестоящих судов играют важную роль в формировании прецедентов. Рассматривая уголовные дела в качестве суда первой инстанции, районные, городские суды применяют к конкретным обстоятельствам нормы права, толкуя при этом их смысл с учетом разъяснений высших судебных инстанций.

В настоящее время постановления Пленума Верховного Суда РФ носят как разъяснительный, так и рекомендательный характер, но они жестко не связывают суд при вынесении аналогичных или схожих дел, поскольку каждое из них имеет свою специфику. Длительное время считалось бесспорным, что Пленум Верховного Суда на основе изучения и обобщения судебной практики и статистики давал руководящие указания, обязательные для судов (ст. 56 Закона «О судостроительстве РСФСР»). Однако такое положение вошло в противоречие с принципом независимости судей и подчинения их только закону, ибо судьи не могут не подчиняться разъяснениям, которые к тому же будут являться для них руководящими и обязательными. Поэтому, обеспечивая независимость судей, ст. 126 Конституции РФ изменила прежнее двусмысленное положение судей. Теперь разъяснения Верховного Суда больше

не характеризуются как руководящие, также отсутствует указание, что они являются обязательными для судей [7.С.512-513].

В связи с этим трудно согласиться с вновь появляющимися предложениями о придании постановлениям Верховного Суда РФ качества обязательности и закреплении в законодательстве права официально ссылаться в своих решениях на опубликованные решения Верховного Суда РФ, что «могло бы облегчить деятельность судей» [8.С.71]. Такое предложение не только возвращает нас к обязательному характеру указаний Верховного Суда, но и делает слишком большой шаг в сторону прецедентного права, вступая в противоречие с чертами статутного права.

К появлению элементов прецедентного права причастен и Конституционный Суд РФ. Из-за ряда объективных причин юридическая природа его решений во многом остается дискуссионной. На это влияют, во-первых, декларативный характер Конституции РФ, во-вторых, то, что в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде РФ» недостаточно четко определена юридическая природа этих решений, и в-третьих, непродолжительный исторический отрезок деятельности Конституционного Суда РФ.

Не вызывает сомнения, что Конституционный Суд РФ, будучи составной частью судебной системы (ст. 18 ФКЗ «О судебной системе РФ», ст. 1 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), не наделен правом принимать нормативные правовые акты, так как это противоречило бы его предназначению как судебного органа, что влечет исключение решений Конституционного Суда РФ из круга источников уголовно-процессуального права в соответствии с положением ст. 1 УПК РФ.

В этом плане решения Конституционного Суда РФ должны были бы быть безразличны для правоприменителя, ибо последний обязан руководствоваться только Конституцией РФ и федеральными законами. Однако решения Конституционного Суда РФ по ряду своих свойств позволяют говорить о сходстве с нормативными правовыми актами. Это специфический порядок подготовки, принятия, опубликования и вступления в силу. Юридическая сила решений Конституционного Суда РФ сопоставима с юридической силой закона, а юридическая сила его постановления о признании акта неконституционным находится на качественно более высоком уровне (ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). В этом смысле решения Конституционного Суда РФ достойны считаться источником уголовно-процессуального права.

По мнению ряда авторов, решения Конституционного Суда РФ формируют правовоположения (правовые позиции), имеющие нормативный характер и вызывающие правовые последствия [9.С.80]. Под правовоположением (правовой позицией) следует понимать такую теоретическую конструкцию, с помощью которой Конституционный Суд РФ, используя потенциал науки, преодолевает правовую неопределенность содержания той или иной уголовно-процессуальной нормы. Это не только субъективная точка зрения судей, основанная на нормах права и правовой доктрине, но и объективированное в правовом поле проявление доктринального правосознания, в основе которого находится высокий уровень доктринального толкования. В некоторых

случаях такие правовые положения носят временный характер вплоть до внесения изменений в действующие уголовно-процессуальные нормы.

Приведенные характеристики позволяют утверждать, что решения Конституционного Суда РФ занимают особое место в применении уголовно-процессуального права [10.С.25], которым присущи черты нормативно-интерпретационного, прецедентного характера и общеобязательности. В то же время нельзя однозначно утверждать, что такие решения являются прецедентом в полном смысле этого слова, так как на них не ссылаются суды при принятии решений по аналогичным делам, а при вынесении приговоров суды продолжают руководствоваться только законом (ст. 297 УПК РФ).

Хотя толкование и является ключевой составной частью деятельности Конституционного Суда РФ, однако оно обладает таким свойством, которое не присуще обычному толкованию – оно не прекращает действие законов. В этом смысле толкование Конституционным Судом РФ правовых норм носит особый характер.

Т.Г. Морщакова предложила рассматривать правовую позицию, выраженную в решениях Конституционного Суда РФ, не прецедентом, а особым видом преюдиции [11.С.29]. Согласно ст. 90 УПК РФ преюдиция имеет неоспоримое значение для других судов. Установленная один раз одним судом, она может не устанавливаться другим судом, а должна признаваться как уже установленный факт. Таким же качествам отвечают и решения Конституционного Суда РФ. Установленная один раз, правовая позиция Конституционного Суда РФ не нуждается в дальнейшем подтверждении, а признается как уже установленный факт.

Решения Конституционного Суда РФ по своей юридической природе являются, прежде всего, актами применения права. Однако этот судебный орган не устанавливает фактические обстоятельства, а решает исключительно вопросы права.

Будучи общеобязательными (не только для правоприменительных, но и для правотворческих органов), эти решения не обладают свойствами нормативности. В науке уголовно-процессуального права никто не пытается наделять решение суда по уголовному делу качествами нормативного правового акта. Юридическая сила решений Конституционного Суда РФ проявляется в том, что они окончательны, обжалованию не подлежат и вступают в силу немедленно после провозглашения. Никакие иные судебные решения такими качествами не обладают. Никакой иной судебный орган не уполномочен проверять соответствие нормативно-правовых актов Конституции РФ и в случае неконституционности лишать их юридической силы.

Исключение Конституционным Судом РФ отдельных положений из правового поля оказывает влияние на правовое регулирование, в том числе уголовно-процессуальных отношений. Все это не может не быть предпосылкой правотворческой деятельности Конституционного Суда РФ, что не согласуется с общим положением о недопустимости правотворческой деятельности судов.

Содержанием решения Конституционного Суда РФ является не норма права, а правовая позиция его судей. Она может изменить характер правового регулирования, но не может создать новую норму права.

Таким образом решение Конституционного Суда РФ является правоприменительным актом, устанавливающим факт несоответствия нормативно-правового акта полностью или частично Конституции РФ. Данный факт имеет преюдициальное значение, то есть обязателен к принятию правоприменителем без какой-либо дополнительной проверки.

Решение Конституционного Суда РФ устанавливает юридический факт, влекущий неприменение неконституционной нормы права и, как следствие, изменение в характере и направленности правового регулирования общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства. Данный юридический факт обладает той особенностью, что он выступает не как самостоятельный элемент, а в совокупности с уголовно-процессуальным законодательством.

За время своего действия Конституционный Суд РФ оказал заметное влияние на механизм уголовно-процессуального регулирования в рамках реформы УПК РСФСР. Это привело в конечном счете к изменению концепции уголовного процесса и нашло отражение в нормах УПК РФ. В частности, были расширены границы действия принципа состязательности, что привело к умалению принципов публичности и объективной истины, изменению их задач.

Вместе с тем к оценке решений Конституционного Суда РФ следует подходить дифференцированно. Наравне с положительными шагами по приведению уголовно-процессуального законодательства в соответствие с Конституцией РФ были и такие решения, которые ставили правоприменителей в тупик, например, связанные с установлением пробелов и появлением в связи с этим правовой неопределенности, как действовать в сложившейся ситуации. Такие случаи получали критику в научной среде.

Например, один из первых пробелов, установленный Конституционным Судом РФ, связан с Постановлением от 28.11.1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности ст. 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края», согласно которому ч. 1, 2 ст. 418 УПК РСФСР были признаны не соответствующими Конституции РФ. Это постановление поставило правоприменителей в тупиковую ситуацию, которая выразилась в замораживании более трехсот тысяч уголовных дел, подготовка которых осуществлялась в протокольной форме [12.С.94]. Сложившаяся вокруг гл. 34 УПК РСФСР ситуация вынудила Генерального прокурора РФ обратиться в Конституционный Суд РФ с ходатайством об официальном разъяснении своего постановления. В ходатайстве, в частности, были поставлены вопросы: действительно ли решение Конституционного Суда РФ предполагает упразднение института досудебной подготовки в протокольной форме материалов о преступлении; создает ли оно пробелы в правовом регули-

ровании и какие нормы процессуального закона подлежат в связи с этим применению в порядке процессуальной аналогии?

У непростого института процессуальной аналогии много общего с прецедентом: отсутствие нормы права в том и другом случае; объективная потребность преодоления пробела уголовно-процессуального регулирования; использование общих логических приемов при их применении; неоднозначное отношение к обоим явлениям ввиду того, что законодатель не выразил к ним своего четкого отношения. Все это позволяет говорить об однородности данных явлений. Однако этот сложный вопрос выходит за рамки настоящей статьи и нуждается в дальнейшем исследовании.

В своем Определении от 07.10.1997 г. № 88-О Конституционный Суд РФ не внес ясность в вопрос о процессуальной аналогии, не прояснил сложившуюся ситуацию, а лишь констатировал, что суд не может возбуждать уголовное дело и формулировать обвинение, что, тем не менее, не препятствует применению других положений гл. 34 УПК РСФСР. Сложившееся тупиковое положение спас законодатель, внося через полтора месяца после выхода определения изменение в гл. 34 УПК РСФСР [13.Ст.5244].

Решения Конституционного Суда РФ выступают в роли корректирующего фактора в механизме уголовно-процессуального регулирования, изменяя его характер и направленность. При этом Конституционный Суд РФ в силу специфики своей деятельности, пределов компетенции и полномочий не в состоянии своими решениями обеспечить системное, последовательное и единое изменение судебной процедуры. Однако и требовать от Конституционного Суда РФ системного и последовательного влияния на уголовно-процессуальное регулирование нельзя. Он не может самостоятельно инициировать проверку конституционных норм уголовно-процессуального права, выходить за рамки жалобы или запроса. Его предназначение заключается исключительно в проверке конституционности норм, а не в приведении законодательства в соответствие с Конституцией, что является прерогативой законодателя.

Но и Конституционный Суд РФ способен верно оценить реальные возможности государства, общества и правовой системы. В некоторых случаях он указывает на необходимость внесения законодателем изменений в законодательство. Тем самым Конституционный Суд РФ проявляет взвешенность в вопросе о надлежащей регламентации уголовно-процессуальной деятельности, исключая возможность подмены воли законодателя своей волей, подтверждая гармонизацию своей деятельности и деятельности законодателя [14.С.29].

Таким образом, высшие судебные инстанции принимают активное участие в формировании прецедента уголовно-процессуального права, ориентируя судебные и правоохранительные органы на использование не только привычного для них уголовно-процессуального законодательства, но и свои решения в качестве источников права. Статус таких решений неоднозначен, поэтому нуждается в закреплении в УПК РФ.

Библиографический список

1. Недбайло, П.Е. Применение советских правовых норм / П.Е. Недбайло. — М.: Госюриздат, 1960. — 511 с.
2. Сабо, И. Социалистическое право / И. Сабо. — М.: Прогресс, 1964. — 394 с.
3. Венгеров, А.Б. О прецеденте толкования правовой нормы / А.Б. Венгеров // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 6. — М.: ВНИИСЗ, 1966. — 104 с.
4. Таран, А.С. Международно-правовые нормы и судебная практика как источники уголовно-процессуального права России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Таран Антонина Сергеевна. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. — 224 с.
5. Петрова, Л.В. О естественном и позитивном праве / Л.В. Петрова // Государство и право. — 1995. — № 2. — С. 32-41.
6. Кожевников, С.Н. Судебная власть в структуре механизма государства / С.Н. Кожевников, А.П. Кузнецов // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2006. — № 1. — С. 54-59.
7. Комментарий к Конституции РФ / общ. ред. Ю.В. Кудрявцев. — М.: Фонд «Правовая культура», 1996. — 552 с.
8. Савельева, О.А. Роль и значение решений Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам / О.А. Савельева // Законодательство. — 2006. — № 2. — С. 70-72.
9. Ножкина, А.В. Судебная практика как источник уголовно-процессуального права / А.В. Ножкина // Уголовное право. — 2002. — № 3. — С. 80-81.
10. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред. П.А.Лупинской. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристь, 1997. — 590 с.
11. Моршаква, Т.Г. Разграничение компетенции между Конституционным Судом и другими судами Российской Федерации / Т.Г. Моршаква // ВКС РФ. — 1996. — № 6. — С. 22-31.
12. Бойков, А.Д. Опасность негативного правотворчества / А.Д. Бойков // Уголовное право. — 2000. — № 3. — С. 90-98.
13. Федеральный закон от 15.11.1997 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР» // СЗ РФ. — 1997. — № 46. — Ст. 5244.
14. Чепурнова, Н. Решения Конституционного Суда РФ как образец юридической гармонии / Н.Чепурнова // Российская юстиция. — 2001. — № 10. — С. 28-29.

V. Belonossov

PRECEDENT IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDING

This article is devoted to the problem of the analysis of contradictory aspects of the precedent in the criminal proceeding adjustment as a source of the criminal procedure law. Besides, this article includes the question of the law status of the decisions of Constitutional and Supreme Court of the Russian Federation in forming of the precedent the connection this one with the statute law.